

НеСказка

Никто. Нигде. Никогда

Юлия

Катерина

Ж. К. Сол

**Катерина С.
J K Sol
Юлия Ковалева
HeСказка**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70044193
SelfPub; 2023*

Аннотация

Книга – парадокс, мистический детектив, сюрреалистический триллер, метафорическое сказание, наполненное легендами и мифами. Фантасмагория странствий Джея (J), который выехал из дома с котами за кормом, а обрел...

Содержание

Никто. Нигде. Никогда	5
HeСказ 0. «Дом с котами»	6
HeСказ 1. «КотФуцианство»	16
HeСказ 2. «Медведь»	29
HeСказ 3. «СимБа»	41
HeСказ 4. «Жало за Жало»	52
HeСказ 5. «Небесные птицы в клозете (closet23)»	60
HeСказ 6. «Курган»	71
HeСказ 7. «Фонтан Вечной Жизни»	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Юлия Ковалева,
Катерина С., J Sol
HeСказка**

Никто. Нигде. Никогда

НеСказ 0. «Дом с котами»

Случилась история та в деревне с названием «Захарово». Был в ней дом один – старый, бревенчатый с голубыми резными наличниками и крышей небесного цвета. Ближе всех стоял он рядом с колодцем. И каждый день мимо окон расписных светлых проходили местные. Идут жители Захарово к колодцу – машут дому с номером 10 и тем, кто в нем живет.

Десятый был домом одним из первых. Испокон основания деревни. Из могучих бревен собран что подле леса. Много повидал. Не одно поколение вырастил. Был у него и друг – Ясень. Рос у крыльца с малых веток. Откуда взялся, кто посадил его – не помнит никто. И были Десятый и Ясень уже так давно вместе, что казалось: то ли Дом – часть Древа, то ли оно – продолжение Десятого. Так и поскрипывали вместе. И вдруг однажды налетели на деревню тучи, пригнали ветер силы столь страшной, что невольно качнулся могучий Ясень. Разразился гром неслыханный. И с первого же раза ударила в Древо молния дикая. Самая крупная ветвь – надломилась, протрещала да рухнула на крышу Десятого. Никого в тот момент не было.

Утром проснулся Джей в доме, как всегда – в пять утра, от воплей котов и кошек. Десять всего их было. А сложилось так из-за доброты и жалости Джея к хвостатым. Кто-то подобран был, кто-то здесь родился. И каждое утро:

– Мау, Джей, вставай! Есть да пить подавай, гулять отпусти! – в общем рутина.

Так и сегодня. Выпустил всех на волю, собрался на рынок – запасы пополнить свои, да котам рыбов¹ купить. Вышел со двора – красота! Солнце залило опушку зеленую пред Десятым – светом. Та от эффекта этого сделалась изумрудной. Птицы щебечут – новости обсуждают утренние. Ясень могучий небо макушкой своею гладит. В общем, Рай!

Странно лишь показалось, что нет никого. В это время обычно кто-кто, да ползет к колодцу. Пожал Джей плечами да направился к своей желтой газели. Машину ту дал ему начальник – хозяин рыболовной лавки, где и трудился Джей. И прежде, чем сесть за руль, обернулся на дом – убедиться: оставил ли сени открытыми, чтоб коты от жары смогли спрятаться. Смотрит: у таблички с номером отвалилась цифра «1». Да не сама, а будто огнем металл рассекли и оторвали. Рядом – валяется ветвь от Ясеня. Подивился Джей, но решил разобраться опосля. Когда вернется.

Вот отъезжает он от теперь уже НеДесятого, а Нулевого. Но что-то не то: руль крутится с трудом, машина не слушается. То сильно рванет, то тащится. В повороты вписывается со скрипом. Весь вспотел, развернул Джей махину и дви-

¹ Это не лексическая ошибка, а форма литературного приема – аллюзии к общеизвестному, факту, а здесь – к шутке формата «мем» из сети Интернет в 2021 г.

нулся в путь. Задержал взгляд на колоколе, что народ звал на праздник иль похороны, но... не притронулся.

Выехал Джей из Захарово с колеи земной на асфальт. Едет – поедет, а пред ним откуда ни возьмись – кукурузное поле.

– Странно, не было раньше такого. Попробую срезать!

И направил газель через гущу ростков с початками назревающими. Долго ли коротко ли ехал Джей по полю, а вышел – на дорогу крепкую ровную, но неширокую. Глядит... А газель под ним превратилась в велосипед! Да большой такой, что до педалей Джей достает лишь едва. Перебирает носочками, отталкивается и ждет, как прокрутится колесо.

Едет – поедет и видит: табличка впереди – «Соколово» гласит.

– О, эту деревню я знаю! Поеду-ка сквозь нее, там с другого конца-то есть как раз тропинка в Захарово.

Въехал в деревню Джей и ахнул! Все дома в ней из дерева – расписные, резные наличники, крыши – о цветов неземных, так что похожего – ни одного. Лавочки-то вдоль улиц стоят, как напоказ: узоры цветов и зверей, сюжеты древние – известные и невиданные. А народ-то какой! Гномы, эльфы, да добры молодцы в косоворотках, девицы в сарафанах, как афалины, да существа иные – неопишуемые. Словом – Сказка!

Едет Джей, крутит педали носочками, да диву дается: как такое быть может? Странно только ему, что всё вокруг словно подтоплено: лужи, болотины у каждого двора да на пути. И везде – мосты, мостки, да подмостки из дерева. Заезжает Джей на одну переправу – упирается в тупик. Возвращается, едет к другому мосточку. Снова въезжает – а дверь за ним. Открывает её, дальше едет. И так по сто раз: мосток – тупик, дверь – переправа, мосток – дверь... В общем – цельный лабиринт.

Долго ли коротко ли крутил Джей педали, что впору все становились ему. До тех пор, пока однажды не уперся в большое болото. Темное с тупиком оно и обрывом к трясине. Остановился. Не по себе стало Духу его, развернулся было на другую тропинку... Навстречу ему – народ местный сказочный. То ли праздник у них, то ли ход крестный. Молодцы в косоворотках с девицами, что афалины, гномы да существа толпою идут. И пред собою несут портрет. То ли король их, то ли местное божество.

Не стал выяснять Джей, кто таков, да и устал уж порядком: домой пора. Вскочил на велосипед и дал газу по левой тропинке. Едет, да только мостки одни, лужи, тупики или двери. Народец снует. Измучался Джей в пути. Стал искать, у кого спросить направление верное. Видит – спиной к нему идет женщина. Копна волос рыжая да большая, как грива у льва, притянула путника. Джей окликнул её, да едва не упал с коня железного!

Обернулась та – не женщина, не девица, а ведьма! Настоящая самая. Кожа лица к земле-то тянется. Морщины, как оползни. А нос её длинный кончается родинкой с поплавком из черных волосьев. Давно бросил Джей это делать, но так испугался, что захотелось ему... Помолиться и перекреститься. Ведьма глаза свои цвета болотного прищурила и спросила:

– Что тебе, путник, надобно от меня?

– Поклон Вам, женщина. Попал я в деревню эту сказочную случайно, а выхода не нахожу. Домой мне пора уж – в Захарово. Оставил его открытым, котов гулять выпустил. Помрут с голоду, вот спешаю вернуться.

Растянула ведьма нить улыбки кривой, да как взмахнет пред собой ладонью. Смотрит Джей, а на каждом пальце – коготь длинный, острый, словно звериный. Одним-то кинжалом таким да как зацепила его за плечо! Выдрала кусок мяса с кожей. Не дрогнул Джей, ждет. Ведьма кусок сей к носу-то поднесла, дух вдохнула. Языком, что раздвоен был, лизнула, и говорит:

– Ну, смотри сюда. Видишь – на горизонте церковь белая-то стоит. К земле ниспадает? Вот шпиль на конце ее путь-то верный домой тебе и указывает.

– И что же, как мне к ней пройти? Может, проводишь? – говорит Джей старухе огненной, а сам нервно сглатывает.

– Неет, молодец. Проводник судьбу идущего делит-то по-

полам. Ступай сам! – как сказала, так и продолжила идти спиною, задом – вперед.

Взглянул Джей ещё раз на церковь заваленную, да шпиль куда смотрит. Поехал в ту сторону. Долго ли коротко ли, а на пути всё то же: жители сказочные, дома да лавочки, улочки да мосты, тупики да двери. Устает Джей, сил уже нет – крутить педали. Смотрит: нисколько ближе к церкви не стал. Напротив, шпиль её всё дальше и дальше. Почти уже скрылась за горизонтом неясных событий.

Испугался Джей, стал поторапливаться да крутить сильнее. Едет и видит вдруг – мост самый большой среди всех. На этот раз каменный – резной, как для кареты с тройкой коней созданный. А из-под моста оно льется свет то розовый, то сиреневый. Слез Джей тихонько с велосипеда, подкрадывается к мосту:

– Дай хоть одним глазком загляну.

Эка невидаль пред ним открывается! Небоскребы огромные под куполом неба свинцового. Все в щитах электрических. Шумят да скрежещут. Машины летают в небе. Люди – в шлемах, земли не касаясь, плывут по воздуху... А следом за ними – хвост голубой от портфелей с искрами.

– Добро пожаловать в КиберГород! – вещает один из щитов, и запускается музыка... Ломанная, электронная, режет слух.

Хватается Джей за голову, на коня-то двухколесного вскакивает и пятится все назад, причитая:

– Не нужен ваш КиберГород! Домой мне надо! В Захарово! Коты есть хотят! Нараспашку ведь все оставил открытым!

Совсем впору стали уже педали – спешит Джей домой. Ищет глазами церковь. Но отдаляется шпиля краешек на горизонте. И снова – лужи, мостки да двери, подмости, щели.

Вдруг выезжает Джей на поляну зеленую, чистую, светом залитую. Похожую на коридор. Здесь на лавочках сидят женщины – все беременные, на последнем месяце. Не выдержал, кинул клич:

– Женщины, матери дорогие, в ноги вам кланяюсь, помогите! Домой мне надо, в Захарово! Настежь открытым оставил, котов выпустил, сам поехал за рыбой. Долго в деревне вашей сказочной все катаюсь, а выхода не нахожу! Разбредутся коты, умрут! Где Захарово, укажите?

Переглянулись женщины. И одна, что ближе сидела всех, речью отчаянной-то прониклась, поднялась, говорит:

– Пойдем, провожу тебя, куда надо.

И отправились они вдвоем, или втроем? Джей – на велосипеде едет медленно, тихо. Беременная идет степенно, неспешно, за поясницу держится, спрашивает про дом и Захарово. Сколько шли они – неизвестно, мимо улиц,

построек, луж и мостков. И довела его роженица до двери огромной, что пуще прежних по размеру и массе была. Стучится беременная. С гулом тяжким дверь открывается, а там...

Ведьма стоит размеров огромных. Мышцы буграми литыми поигрывают, но лицо, как у первой: оползает вниз, нос вперед длинный с родинкой, что поплавок.

– Что тебе надобно? – смотрит на роженицу, Джея не замечает.

– Путник вот. Домой ему надо, в Захарово.

Переводит ведьма взгляд мутный на Джея. Тот смотрит ей через плечо левое. А за спиной – будто актовый зал со сценой. В нем сидят жители сказочные, выступают друг перед другом. Веселье, этюды, сценки. В общем, развлекаются. Ведьма огромная – лицо свое, словно лошади, приближает... смотрит в глаза, говорит:

– А что это ты? Нароботался на других? Так на нас ещё потрудись...

Не выдержал Джей от усталости и печали, закричал:

– Домой мне пора! В Захарово! Я котов упустил, дверь открытой оставил. Вернутся, а нет меня! Кто их накормит?

Смотрит ведьма пристально, будто испытывает. Но не боится Джей, ждет вердикта.

– Пропуск, – говорит ведьма роженице и протягивает ладонь когтистую старую.

Беременная достает из-за пазухи лист, отдает. Та ставит штамп и вещает:

– Значит, смотри сейчас. Вот коридор. В нем – пять дверей. В какую успеешь – туда тебе. Всё, ступай! – и захлопнула свой проход задний.

Сидит Джей на велосипеде, ждет, все пройти пытается. Мимо него – народец сказочный все снует, прошмыгивает. Двери быстрые: отворятся и тут же захлопнутся, по одному пускают. Не успевает Джей приблизиться – хват! А закрыто, прошмыгнул уже кто-то.

Сердится Джей, из себя выходит, кричит:

– Пустите меня домой! В Захарово!

А народец-то сказочный быстрый, мимо прошмыгивает да хихикает над ним. И понял Джей: что-то тут нечисто...

И вдруг откуда-то из глубины земли – удар оглушительной силы. Землетрясение. Притихла суета. Пригнулись жители деревни сказочной. Уши острые да прислушиваются.

Удар второй – еще пуще прежнего! Смотрит Джей... А с неба падает полынь – листьями, звездами да соцветиями. И как только растение это народца деревни касается... Тот надувается, оболочка-то сказочная лопается, и вылетает из неё...

Смотрит Джей и глазам не верит: вот взлетает спора гриба, вот – спора плесени. Штамм вируса этого, штамм другого... Лопаются все и разлетаются поверху. Тут-то и бросился

народец, кто куда врассыпную. Кричит:

– Это за ним Она! Могущественная Ведьма пришла!
Пытаются скрыться. Но негде.

Вдруг удар третий. Да столь оглушительный, что зашата-
лась земля под ногами с велосипедом. Подбрасывает Джея
вверх.. Плывет он все выше, и выше....

Летит уже над длинной магистралью авто. По всей длине
её – пробка, трафик. Облака газов выхлопных, сигналы, ру-
гань водителей. Все стоят, ждут чего-то.

– Что там, в центре пробки?

Джей летит вперед. Краем глаза замечает: рядом с маги-
стралью – огромный чугунный котел. Над ним из небес – ру-
ки женские, очень знакомые. Бросают в чан с кипящим от-
варом полынь. Слова заклинания из-под небес – гром вызы-
вают.

Долетает так Джей до центра пробки и видит.

Лежит на боку газель его смятая. На которой из дома вы-
ехал... Вокруг – разбросаны автопогрузчики и почтовые гру-
зовики. А среди зевак кто-то бросает:

– Слишком спешил, говорят...

Тут... Как начало Джея трясти. Рвется он по воздуху,
словно карп, посмотреть: есть ли кто живой.

Свет выключается. Крик раздается.

НеСказ 1. «КотФуцианство»

Тень шпиля от колесницы расплывается по горизонту. Ра² взглядом устало её провожает и выдыхает:

– Последний раз.

Небо напополам разверзает крик пикирующей птицы.

В доме Джея рождается масти рыжей – крупный кот.

– Ну, привет, Игорь! – знакомый голос, что испокон, расплывается в улыбке.

Открывает глаза Рыжий да рассматривает мир вокруг.

Всё верно. Левый берег Волги. Центр города «Пса» – перевернутый³, как название «Леса». Имя матери воплощения – оплот «света», значащий «розовый цветок лотоса». Рядом – Джей. Взгляд еще не ясен его. Поиск блуждает. А что с лапами? Глянь, а подушечки на них – цвета розового, девичьего совсем. Смущается Солнцеликий. Утешается тем лишь, что штрих сей – от матери.

С тех пор, как Джея покинул Пёс его верный – умер, стал человеке носиться с Игорем, аки с братом. Вместе росли да мужали. Кот же единственным стал, кому откровения заблудшего в ночи выслушивать приходилось. Вместе пили

² Бог Солнца в египетской мифологии

³ Ребус, если написать слово «пес» по-английски dog

они да ели, друг друга лечили, да мир свой – дом берегли. Время шло, заселяли свой терем другими душами кошачьего племени. Рожденными ли, спасенными – не важно. Все во благо того, дабы матери Джея не было скучно, когда странствия звали его на путь познания. И вот однажды...

– Да гори оно все синем пламенем! Собирайтесь, сворачиваем манатки⁴! – не стерпела предательства мужа, простенала. Проклятьями гнездо семейное усыпала женщина главная и молнию слов своих – да разверзла купол поднебесный.

Делать нечего. Погоревали. Собрались и отправились в путь к новому дому. Пусть не по своей воле тот сыскан был.

Едва завидели Джей с Котом пристанище новое – оба вздрогнули: на перекрестке улиц, у края дороги стояла изба нечистая. Крыша её, доселе небесного цвета, ныне серая, ветхая, мхом поросла. Чердак да подвал одолели грибы с паутиной. Рот разинув на идолище такое, – народ мимо окон ходит. Утварь от старых хозяев осталась брошенной на съедение бога Kala⁵. Да и сама история места – припорошена тайной и мраком. Соседи все шепчут, остерегаются колдовства.

Окинул Кот Оком всевидящим – времени капище, оглянулся на Джея: душу друга его печаль разъедала. Утрата

⁴ Устаревш. – от «манатья» (мантия) монаха, т.е. пожитки, тряпье.

⁵ «Кала» – божество в индуизме, является персонификацией цикличности времени. Черный, темно – синий цвет.

врезала радость от расплаты за судьбы чужие. Что тут сделаешь. То родные. И вздохнул Солнцеликий, сам поник было. Но в последний миг зацепился за семя памяти – Кто он таков, да зачем сюда прибыл. И в последний раз принялся, коль стал былью, будить товарища. Довольно растягивать на столетия одну Песнь.

Стаю кошачьего племени Кот созвал ко двору. Взобрался на сруб —слово молвить:

– Ой ты род кошачий вылизанный. Волей богов Судьбы призванный ко двору сему – к Одному из Поднебесной. Бросила длань нас ошибок чужих людских в места не лучшие. Может быть, даже, злополучные. Джея терзает кручина горькая, словно паленая водка. Забыл он путь домой. Но вы – народ иной. И всегда находили дорогу оттуда, где ни тропинок нету, ни выхода. И коль мы все здесь под куполом, – объединимся да поможем ему. Говорю вам то Я – Солнцеликий Ра.

И в момент сей поднялся могучий ветер. Пригнал тучи, усадил на плечи Атланта спящего, да смотрящего вещие сны. И будто не тучи, а агнцы – пасутся они на улицах и полях его изумрудных. Едва слово они говорят – вмиг рассыпаются то ли в прах, то ли в град. Гром раздался над местом измученным. Снежным бисером тучи заблудшие осыпали племя котов.

– А теперь, слушайте вы меня, – молвил Игорь, встав в полный рост.

Девять из шерсти разных мастей собрались плотнее вокруг говорящего.

– Ты, Химера, ступай на погост, приведи Одиссея ко мне. С ним Джей прозрит, да посеет семя чудес.

Химера о трех цветах прищурилась незаметно. Потянулась. Мягко ступила на сено и исчезла в кустах малиновых.

– Ты же, страж бесстрашный, снежно-бежевый. Охраняй врата под землю, да те, что срединные. Покамест не испарились тут следы змеиные.

Барс Нежный сверкнул булатом когтей да шмыгнул в подземелье. В ожидании гостей.

– Пессимея – Пустое темя. Ступай до Москвы. Приведи сюда Мышь. Да не простую, а ту что скорлупу золотую надвое да рассекла.

Пустое темя встрепенулось, обогнуло дом трижды, оттолкнулось от стыка дверей. Запестрели пятна чудные в суге дней да дорожной пыли.

– ТинПу дымчатый, покажись из тени! И ступай, приведи сюда зодчего! За три ночи пускай превратит он халупу в замок, да изгонит грибок!

Будто сам Серый волк Ивана царевича встрепенулся, усы наострил на север да скрылся в сени дерев, прыгая с ветки на ветвь.

– Ну а ты, Симеон де Пророк юродивый, взгляд свой направь на Восток и скажи: насколько числены миражи, далеко ли до Правды Джею?

– Тебе внемлю, Отче, – пророк отвечал, – пока ты вещал, взор глазом левым слепым да направил в Пустыню. В ней по окраинам и китовым хребтам Вихрь гуляет. То охраняет Он Око Ришат⁶. Ждет оно летописца, ибо в центре его хранится папирус, где написано, что...

– Довольно. Я понял тебя. Погружение сие опасное для души твоей беспристрастной, Оракул. Возвращайся. Да обращайся теперь ко Джею юному чаще передом: пятна сивые на груди твоей отмечают путь по Пустыне сей.

Поклонился оракул сизый Солнцеликому в гриву низко, да скрылся в задворках тиши.

– Остальные, проявленные и пришлые, стерегите пороги. Чую, вороги скоро нагрянут, испытания притянут к бессмертной души. Дыши, Джей, дыши. А я пока гнездо старое посещу, да вмиг обращусь не один.

В русле сумерек под покровом тумана седого Игорь вертается на порог покинутого дома.

– Есть кто потусторонний среди живых?

Стены жилой пятиэтажки притихли.

Солнцеликий рычит, испускает крик птицы, пикирует в центр квартиры – цапает дым когтями:

– Что же ты, хатник⁷ ворчливый, не слышишь зов Ра? Разобиделся, что забыли тебя? Вон всю посуду у новых жильцов

⁶ Геологическое образование в пустыне Сахара.

⁷ Домовой

побил.

– Оставь свой пыл, усатый, для тех, кто по масти тебе. Уже не в своей избе прыгаешь, аки блоха на загрибок. Что тебе надобно? – домовик пыхтел. Все сердился, что впопыхах не успел ухватиться за хвост семьи.

– Не сердчай, старый хатник. Не за долгом, но воздаянием я возвратился. Пора и тебе обратиться со мной, ибо путь наш един. Садись же верхом, отнесу в новый дом.

– Ну, коль обманешь на этот раз, не сердчай. Как брату – Оракулу вырву тебе левый глаз, – сказал и вскочил меж седин. Обратился в дым и вывалился из шерсти рыжей на пороге полуночи.

– Добро пожаловать в никуда. Эта изба аномальная. Стоит и нет её – на границе миров. Много голов и копыт через нее провел Бог Kalunga⁸. Твоя же зарука – нежить здешнюю на сторону нашу склонить, мёрзок сна усмирить и отворить створы памяти.

– Мать честная, как одному домоводу-то все проделать? – обращаться уж начал дед было в дым, но Солнцеликий прыгнул и пригвоздил его ором:

– Вспомни, Кто ты такой и зачем разбужен? Что суждено тебе было до сей поры, отвечай? – Рыжий рычал, обличая правду.

Хатник вздохнул, улыбнулся, бороду отряхнул неспешно и испарился под крышей дома.

⁸ У народов Африки – Бог подземного царства, смерти.

– Луна, ты все слышала! – Игорь вышел на задний двор и исчез под землей.

Утром затвор в замочной скважине провернулся: то вернулся Джей вместе с зодчим. Муж – строитель детину ТинПу держал у себя под мышкой говорит:

– Так вышло, – нашел сего кота красивого заблудившимся у себя на участке усадьбы.

Так вот хитростью дымчатый и причастил частного мастера к ремонту хаты за три дня и ночи. И пока кирпичи выкладывали на лицевую часть дома, хатник старый с нежитью новой за территорию спорил. То в дурака на щелбаны играл. То в прятки. Из дымохода гонял второго такого. После пятого грохота с чердака – стало тихо и ясно: наша взяла. В заключение, едва зодчий грибок устранил, – так простыл след серой тучи мброка.

Только ходит Джей все сам не свой. Такой же печальный и хмурый. Игорь следит за ним, глаз не спускает. Асаны⁹ разные принимает для гибкости мышц и бодрости духа.

Так лежит однажды в позе плуга, как глядит – надвигается снова гроза. А пред нею издалека запыхавшись мчит-ся Барс Нежный. Шерсть бежевую из нитей шелка теряет. Видать что-то важное его подгоняет, коль не щадит красоты своей:

⁹ Поза, стойка в йоге

– С донесением к тебе, Солнцеликий, разреши обратиться! – простирается, оземь трясет усами.

– Что стряслось, не тяни! – пружины мышц главный Кот заряжает в обойму с готовностью выстрелить.

– Явился у дальних ворот сейчас гость. Я дюже бросился, думал паук. Какое там! Сам Вельзевул со скорой вестью: грядет беда. Мухи в зоне сей исчезают без следа и чести. Что одну, что полчищем в двести – отправлял он сюда проведать. Ничерта. Тишина. Пустота.

– Что за страсти, сам Вельзевул! Ему-то что дело до аномальной зоны? Разве что проворачивал здесь делишки свои... Ох уж эти короли. Как помочь, так мы гордые, а когда пропадают подданные...

– Что же делать, Отче?

– Нам – булаты точить. Тебе – относить Ваалу благодарность мою и низкий поклон за крылатый погост. Скорей и сам возвращайся на пост. Ожидаем ночи.

С предчувствием прочным битвы Рыжий спустился под землю за помощью.

К полуночи – девять котов с Игорем во главе – на исходных точках. Стерегутся дыры, пороги, щели да окна с дверьми. Домовой со свитою – над людьми под крышей. В подземелье – кроты с ежами под эгидой ТинПу.

Все вокруг стихло. Черная тень размеров огромных помирает свет от луны. Из-под полы выступает черный якорь

с шипами. Чу, то не якорь, а лапа! Вот вторая, уж третья, четвертая. Восемь, словно краны. И все разом вытягивают на поверхность... Голову женщины. Волосы-то длинные черные, тело – центнер рыхлого месива под жесткой шерстью. Явилась в эпицентре Она:

Черная вдова, колдунья, кого и боялась молва. Зрачки акулы заместо глаз с белками. Ядовитые жала клыков змеиных торчат из пасти беззубой. В ночь вальпургиеву – и то девиц с копытами краше встречаешь! А из-под чресел-то идолица чавкающего расползаются змеи и пауки. Недовольна Ваала сестрица, что аномалия теперь заполняется светом. Хочет вернуть все назад и брыкаться между мирами под ликами разными.

Подбирается к Джею вдова все ближе. Но тот спит. Не слышит, как смерть над ним нависает. Испускает Поганая нитей сеть. Паутина её ведь прочнее стальных канатов из-за токсичных ядов для системы нервной ЦНС.

– Спи, – приговаривает Паучиха, да лихо заворачивает одурманенного в кокон. – Вот и нашел ты покой, – нависает, клыки разверзает навстречу артерии.

– Умри в пустоте, ату их всех, братья, – бросается Игорь на голову идолица.

Пищит поганая, сопротивляется дружине Солнца.

Барс Нежный распарывает кокон, бросается ей в горло. Домовой стелит дым, прикрывая всем спины. Оракул вместе

с Химерой рассекают ей брюхо напополам. Кроты с ежами пищат, укрощают сноп змей с пауками. Пир обещает быть пышным, запасов-то на год вышло.

Труп Паучихи сбросили тут же в чистилище под выгребной ямой. Сеть ядовитая истлевает, на теле Джея исчезает. Оставляет лишь нити кошмарного сна за собой. Солнцеликий укладывается над его головой, лапой касаясь незримо-го Ока:

– Живи, Джей, живи...

Под утро герои кошачьего племени прикорнули...

Через несколько недель возвернулась с дороги дальней посланница – Пессимея. Рыжий Кот её принимает радушно, будто прошло три сотни лет. Пустое темя несет с собой странную весть.

– Вот что передали тебе, Солнцеликий. Когда время наступит, явится к нему и Мышь. А пока нужно ждать. Доколе – неизвестно. Но золотое напыление на Яйце его все плотнее. Дело теперь за тобой.

Поклонился Кот сестре пестрой в лапы, та ответила да с порога —скрылась по домашним заботам.

– Ну, что ж. Пора звать Одиссея.

А Химера в то время вернулась беременная на последнем месяце. И в тени развесистой яблони ждала потомства. Час настал, объяли схватки мамашу, поспешал к ней и Джей.

С юности он был акушером всего племени:

– Ну, ну, милая, тужься, дыши.

Вот уж вперед показалась головка крупная. Да золотая со спутником месяца на высоком челе. Первый – самый большой. А за ним вдруг полезли... Мать честная! Циклопы! Все как один. Никто не выжил среди них.

– Раз ты Первый, то Одним нареку тебя. Как верховный Бог скандинавский. И раз уж один остался, значит Единый.

Как произнес сие, – Химера слезу пустила, на сына взглянула, да Дух испустила. Миссия завершена. Пригорюнился Джей, прижал Единого к груди своей со шрамом и заплакал.

– Джей, послушай, – Рыжий сел рядом и Брату лапу положил на плечо.

– Твою мать, говорящий Кот! – испугался Джей, закричал, чуть было не выронил Единого Одного.

– Не ори, а послушай! Ну же, сядь, успокойся! Взгляни мне в глаза.

Все еще дрожа опустил под яблоней Джей на землю. А как только взглянул на кота своего, прояснилось в нем все вдруг с самого-то начала: от времен сотворения до поры рождения Единого.

– Посмотри на них.

Лапой, которой от матери достался нежный цвет лотоса, Рыжий обвел всех собравшихся.

– Как ты видишь, мы здесь все не случайно. Кто-то новый,

а кто-то, как мы с тобой, – испокон. Я пришел за тобой. Домой пора, Джей.

Один Единый запищал.

– Что это значит, Игорь?

– Ты сам так нарек меня. Вспомни-ка! Почему?

– Я боюсь.

– Вспомни, Джей! В аномалии сей мы иначе застрянем отныне и навсегда, вспомни! – загорелись огнём глаза Солнцеликого.

И увидел Джей в них Птицу в красном кольце-то огненном.

– Игорь, значит «Я – Гор».

– А Пса – друга детства помнишь? Как его звали?

– Ден.

– Назови же всё вместе, – Рыжий застыл, глаз не сводит.

Встал Джей, шатаясь, с земли. К темени яблоко прикоснулось. Один затих на груди.

– Путь мой един. «Гор – Ден» зовётся. Что значит «Восхождение от человека к Богу».

Гром разразился среди ясного неба, молвил Ра в теле кошачьем последнее слово:

– На руках твоих Один, что Одиссей Единый. Вырасти его и отправь под видом странника. Снискал дабы он все нити незримого золота во всех мирах, утраченные людьми. Сам ступай. И странствия опиши. В тиши заверни истории в клубок из нитей шелковых – Любви. Верни ей память. А сам

не спеши. Дыши. Мы ждем тебя Дома.

Кот развернулся и в два прыжка достиг порога аномальной зоны. В подземелье взглянул, да на зов обернулся:

– Игорь, а скоро ли?

Солнцеликий улыбнулся, да исчез в Тени.

НеСказ 2. «Медведь»

Жил я в деревне с матерью. Дом у нее был да хозяйство свое большое. Можно сказать, зажиточное. Много кур, гусей, уток да скотины всяческой. Дел всегда – тьма. Утром ранним встаешь, ночью поздней ложишься. Помогал я ей всю ту ораву-то да содержать. Так и жили вдвоем.

И вот однажды повадились на деревню нашу нападать волки да лисы. Словно крысы тихо ночью во дворы проникают. Птицам головы отрубают, псам горло перегрызают. А тех, что с копытами, – ранят смертельно, и в лес. Всем хозяйствам, деревне и людям урон большой нанесен. Бандитам же – никакого. Да ладно, если бы то творили от голода, а не со зла. Но убитые все во дворах оставались, значит забавлялись хищники окаянные не для пищи.

Собрались семьи со всей деревни на совет. Оставаться и отражать нашествие, или спастись бегством. Долго спорили, рассуждали, не достигли консенсуса.

– Раз такое дело, то ступайте вы трое к шаману местному. На обрыве у кладбища есть его земляная изба, на берлогу похожая. Возьмите с собою козла да петуха. Ему подарите и спросите, что делать.

Я да двое соседских сынов в путь собрались. Козла с петухом изъяли из тех, что остались в живых, и отправились

по тропинке левой, да в округ деревни. Через поле ячменное к кладбищу. Козел брыкается – чует нечисть. Петух черный духом поник совсем. Мы же молчим. Тучи над нами сгущаются и разверзаются градом. Только ступили ноги близ ограды кладбищенской, миг все затихло. Показался и дом колдуна.

Входим. То не изба, не землянка, а словно берлога – юрта. Вся костями увешана, в прутьях осины, вяза да ясеня. Сильный смрад стоит от варев всяческих – из грибов и растений. Зверобоем с полынью увешан потолок пирамиды.

– Зачем пришли сюда? – раздался скрип не человеческий, а словно рептилии из-под тени котла.

Вышел на свет... Серый скрюченный старичок – в пупок нам всем дышит, козлу упирается теменем в рог.

– Здравствуй, дядя, жрец земли да сторож мира иного. Мы к тебе на поклон с вопросом одним. Дары прими небольшие, но отменные, из тех, кто выжил – петух да козел. Вскрикнул пернатый. Да отвел Богу душу. Рогатый смотрит, да слушает.

– Эвона, как вас прижало. Сами пожаловали. Ну да давай сюда, – взял старик петуха, да без бщипа и прицела бросил в варево целым.

– Беда у нас, дядя. Повадилась на деревню напасть нечистая – волки да лисы. Ночью из леса выходят, животных изводят не из голода, но для забавы. Уж третья волна прошла,

почти никого не осталось. Не знаешь ли ты, что случилось? Почто терпим погибель? За какие грехи?

– То вопрос не один, – проскрипел колдун ртом беззубым да сплюнул в котел. – Не от храбрости все же втроем пришли. Ну, да выживший из вас — донесет до деревни правду. Слушайте сюда внимательно.

С братьями по несчастью мы переглянулись... Смекнули, что поход сей был для кого-то последний, да попрощались глазами. Старик сел на землю под корягами, как образами. Вещал.

– Жил в той деревне давно хозяин один. Жадный, жестокий был господин. Да еще и гроза всего рода бабьего, ибо глава. И служил ему с детства парень. Молва ходила, что барина – сын незаконный. Превращенный в раба сызмальства. Для удобства двора и скотины оставлен был при отце. И вот из центра приходит указ: всех рабов отпустить, землей наделить, да отныне оброк брать только трудом и деньгами. Парень обрадовался, что станет свободным. Но не тут-то было. Так привык хозяин над ним издеваться и пользоваться, что какая там вольная! Лучше смерть! Пришел он ко мне, привел отару овец, заказал отраву... Да превратил раба в медведя! Стал сын его днем служить в человеческом обличье, ночью – на цепь. И реветь от того, что медведь. Не рассчитал хозяин, что сила-то оборотня, не как у раба смертного. А растет с каждым сном. Время шло. Тридцать лун-то на небо взо-

шло, и набрался раб смелости: в тридцать первую он взревел, цепь сорвал да в лес умотал. Лет уж пятьдесят прошло. Так там он и есть.

Вчетвером с козлом и мы на землю осéли.

– А мы тут при чем?

– Так думает он, что отец до сих пор тут в деревне. Невдомек, что тот бросил все, как есть, да исчез за границей. От обиды и жажды мести – шлет вам напасть в виде волчьей смерти. Но так осерчал, спустя все то время, что скоро сам нагрянет в деревню... И не снести вам всем головы! Ни дítям, ни бабам, – зашелся смехом колдун, вспорол нам скрипом уши.

Я осмелился:

– Послушай, дядя, души ведь новые тут ни при чем. Как исправить судьбу? Бегством или мечом?

– Ни луч, ни железо силе оборотня не ровня! Бойня кровавая предстоит, убегайте, зайцы!

Завалился нá спину старикашка, весь в жуках да грибах. И на карачках под хохот решил было скрыться.

Но мы подскочили, схватили клубок из земли да червей с человеком и... К козлиным рогам приставили – предстать перед дьяволом.

– Слушай, черт ты леший. Сам заварил кашу, теперь помогай. Знаешь решение, как одолеть людоеда? – пару раз

встряхнули деда, козел над ним блял надменно.

– Ладно вам, люди, пустите. Есть рецепт один. Требует сил он, жертвы и времени. Вены вспорите. В чан сцедите унции три – четыре. И козла! Рог в порошок испилите, да кипит пусть в вареве. Ждите здесь дотемна!

Сделали все, как надобно. Попрощались с козлом. Рогом вторым вспороли вены. В благодарность по приходу – схроною его близ деревни. Сделал дед вареву, в ложке из ясеня дает нам испить.

Сыны соседские выпили, я за ними. Вдруг откуда ни возьмись животы у них с венами вспучились. Сами упали, закорчились в муках, крик издали да дух испустили.

– Теперь твой черед, – плут лесной ухмыльнулся, завыл на луну.

Я к трупам прильнул, готовый к смерти. С матерью в сердце уже было попрощался, как вдруг...

Чувство неведомое меня объяло, подняло с земли. Голос взревел внутри рыком звериным:

– Смотри!

Гляжу я на руки – лопаются они по швам, раздаются вширь. Из-под кожи человеческой лезет черная, как наждак. Бугры мяса возрастают, превращают конечности в лапы. Ногти срывают когти острые крепкие, словно кость. Меня дерга-

ет с места. Шея раздается втрое, а из нее топорщится шерсть. Ворс покрывает под мышцами – стальными тело. Потолок юрты прорывает медведь. Пасть кровавую разверзают клыки. Луна вызывает рык.

– Ну да будет тебе реветь! Тише, тише, Чаборз¹⁰, смотри на меня!

Я – не я сфокусировал взгляд на малом клочке земли, откуда гласил колдун.

– Чтоб людоедом не стать, вот тебе зверобой. Всегда с собой носи ветвь и пей его отвар. Отвалится хворь проклятья, отступит, когда покончишь с главным. Но, если случится вдруг, что попадет на зуб кровь человека, – пеняй на себя. Людоеда место станет твоим навсегда. Всё, ступай!

На спине звериной отнес я соседских детей домой. Вой бабий поднялся от страха и от потери. Обратился я в человека. Объяснил все как есть. Горевать некогда. На двор идет беда, пуще этой. Некого некому даже хоронить-то будет. Всех старый оборотень изведет.

Пью зверобой. Новая ночь грядет. Слышится вой из леса и стрекотание лис. Полчища хищников собрались на деревню с новой силой. Через кусты малиновые я выхожу на луну. Вою, пускаю когти, срываю кожу. Шерсть выпускаю на ветер. Стонущий крик выливаю в рев. Вваливаюсь в центр на-

¹⁰ В переводе с чеченского – симбиоз медведя и волка

шествия клыков. Никто не выжил. Мать по трупам бежит, в морду плещет отвар зверобоя. Зверь вырубается, падает оземь. Шерсть осыпается. Холод земли.

Так прошло три недели. Исчезли лавины лис. Волки извелись. Я же со зверобоем наперевес иду устранить причину – в лес. Переступая клубы змеиные, через болотные топи углубляюсь во тьму. Чую присутствие по стороне левой. Курс держу на высокоую ель. Под ней, покрытый мхом и плесенью, – сруб бревенчатый. Толще дуба жилого каждый срез. Метров десять изба в высоту. Стою шокированный, ни жив ни мертв.

– Каких же размеров тот, кто здесь живет.

Зверобой бросаю в кусты. Вдруг и ветер затих. С двери осыпаются листья прокислые. Пыль с порога поднимается вверх столбом. И выходит из дома монстр. На человека похожий, весь заросший волосами и мхом. Соразмерный дому, спиной заграждает верхушки дерев. Словом – не волк, не медведь, но чудище.

Замер я. Не дышу, не двигаюсь. В пятках чую душу. Таковую тушу одному мне точно не одолеть. Даром, что теперь медведь, а этот ведь намного древнее. Силой темною-то оброс. Водит носом поверху, на землю не смотрит.

– Кто здесь? – видит, видимо, плохо, но дух иной чертовщина бесовская ощущает.

– Опускай взгляд ниже, дядя. В сумерки глядя, встречай

гостей. Я к тебе за советом пришел. Хорошо, что нашел. А то говорит род людской, будто ты не настоящий, а миф лесной.

Не лицо, а морду громадную он ко мне опускает. Испускает зловонье грибов и тухлятины. Думал, сожрет меня, как десерт.

– Тебе чего надобно здесь?

Смотрю в глаза мутные, завешанные плесенью. Повторяю: «Долиною смертной тени не боюсь зла».

Понял, что слышит едва, ору ему в ухо плешивое:

– Я к тебе за советом. Случилась со мной беда, что с тобою тогда, когда прókлял тебя отец. Стал я тоже то ли оборотнем, то ли медведем. Колдуна спросил, тот указал на лес, да братьев моих убил за эту вестъ. Нету жизни мне больше среди людей. По медвежьи-то не умею. Научи, как быть таким, как ты – могучим и сильным?

Я расправился, дабы больше казаться. Но с таким-то чудовищем – только хитростью да справляться.

Махина мохнатая зубами скрипела, хмурилась... Видать остатками разума думала. Затем спину, как пятеро буйволов, распрямила и махнула лапой – лопатой на дом:

– Пошли, коль не шутишь.

Внутри пробирало до жути. Затхло, темно и пусто. На лежище из бревен, ветками с листьями устланное показывает:

– Кровать, что слаще любой перины. Проще – некуда.

На земле поначалу валялся, покуда не было постоянства. Сейчас сплю по́верху, чтоб блохи не донимали. Пойдем на кухню.

Привел, а там – сруб стола да пни стоят. Ложки выдолблены из бревен березовых, как и плошки. Гляжу, а на душе скребутся кошки, – как бы оборотень прямо сейчас меня не свеживал. Комок глотаю в горле, ору наверх ему:

– Не густо, дядя. А остальное? Чем развлекаешь себя?

Сел оборотень на пень и завел свою повесть:

– Жил я раньше по-совести. Отцу помогал по хозяйству сызмальства. Не знал, что в рабстве. Думал, кормит, ругает и бьет – это любовь. А когда весть пришла о свободе, да народ повалил на вольную сторону путем своим. Понял, что ошибался: живу с иродом, что родства не знает, а желает лишь пользоваться и править всем. Ну а как потравить меня решил да в оборотня превратил, так я веру совсем потерял. В бога, душу и лучшее. Силы собрал последние да сбежал. Избрал путь медведя. Теперь в лесу – царь над всем. То теперь моя вотчина и угодья. Охраняю, спасаю зверей, убиваю охотников. Но людского ничего не касаюсь. Электричество-то забирает силу зверскую. А она мне покамест нужна. Отомстить сполна за все измывательства детства и жизни, прожитой зря.

– Ну, раз помнят тебя, значит не было все впустую.

Царь лесной глазами сверкнул, что от мысли сей просветлели. Поднялся медленно, вплотную ко мне подошел и мол-

вил:

– Если ты обманул меня да пришел разнюхивать, знай. Убью, не успеешь моргнуть. Коль уж выбрал медвежий путь, так в лесу тебе – жить.

– А мирных жителей деревни близкой травишь зачем волками? – в лоб ударил я правдой нелестной.

– Чтобы месть и долг утолить кровью тех, кто ничего не делает против таких, как отец. А напротив, все больше плоти и душ невинных дает кровососу. Виновны все.

– Я понял Вас, дядя. Пойду отыщу себе место в лесу. Не жить же мне тут с вами – железами сальными да тереться. Ну, до новых встреч!

И как рванул обратно в деревню. Бегу, а в мыслях, что бой не на жизнь будет, а на смерть. Вот показался дом матери, забегаю, рассказываю. Близка погибель. Но она не ропщет. Зверобоя половник плещет в миску. Но не успевает коснуться зелье губ моих, как раздаются гром и крик.

Вмиг я на улицу – ночь на двор опускается. Месяц старый рогами бросается мне навстречу. Руки трясутся. А вокруг в полном хаосе носятся люди. Дети с бабами прячутся, мужики заряжают ружья. Грохот стоит от рева чудища. Содрогают жилища и землю ужасом. Пробил час. Собою лес затмевая, оборотень идет сюда. Я взгляд бросаю на мать – проститься. И несусь к калитке, разрываю в пути одежду. Только за ветхий забор нога правая перевалилась...

И вывалился я в день. Позади – огромное серое здание с надписью: «Исторический архив». Рядом – подруга из детства курила. От испуга присела, скулит:

– Ты здесь откуда?

Не понимаю я, что творится, в ответ вопрошаю: «а ты?»

– Так... работаю здесь...

В страхе кошмарном, что город вокруг шумит, бегу на своих двоих в поисках входа в деревню. Мимо прохожих, ателье, ресторанов, библиотек, посольства.

Что за сила выбросила меня сюда? Деревню да мать оборотень сейчас растерзает, а я останусь?

Весь покрытый дрожью, солью и едким потом, спустя несколько часов бесплодных поисков, – падаю за столик небольшого кафе.

Сердце бешеное из груди человеческой требует броситься искать дальше. Но ноги дрожат, не слушаются. Нужно понять, куда бежать, что делать.

А в кафе том народу полно. Напротив меня сидят втроем мужики. Молодой посреди, двое – с бородами седыми. Все в камуфляжной военной форме как один. По бокам стоят ружья. Левый среднему говорит.

– Урок колдовства номер четыре. Сегодня учимся читать людей. Это просто. Смотришь между бровей да сквозь темя влезаешь в поток. Там все написано. Пробуй прямо сейчас, вот на нем, – перст указывает на меня.

Молодой щурится. Приподнимается. Зенки, как пятаки, раскрываются. Колдун вскакивает и орет на всю округу:

– Кали Дурга! То же оборотень – медведь! Не человек! Ату его, братья!

Лают собаки. К небу ползет луна. Я вспоминаю, когда и откуда пришел. Без глотка зверобоя ушел на верную смерть. Раздирают ладони – когти. Тело трясется. Шерсть покрывает лицо и спину. Задираю звериную шею, оголяю клыки. Рев из груди сотрясает землю.

Кто-то кричит: «Помогите».

НеСказ 3. «СимБа»

Случилось это о ту пору, когда родился Один что Одиссей. Я делами своими уж было занялся: пусть и Солнцеликий, но крыс да мышей ловить – прерогатива. Промышлял днем охотой. Ночью спускался под землю. Да Оком одним приглядывал за порогом аномальной зоны. И вот однажды мать Джея нашего принесла в дом котенка нового.

Где откопала – молчит. С виду – плешивый, никчемный, нечистый, как черт. Отмыли, а тот – первого снега лучистее. Даже Барс Нежный от зависти гложет усы. А уши, хвост и носки на лапах не отмываются. Окрас на них затмевает цвет дыма сивого, как у ТинПу. Маска серая на лице, как у енота мифического. В общем, в шоке семейство от огарка такого мистического. А глаза... Тут даже я забыл буквы местного языка. Как небесный звенящий колокол после грозы, расписан следами молниями. Понял – парень не из простых. Но не видно ни зги среди красоты ослепительной. Отлавливаю вредителей. Время расставит все по своим местам. Присмотрю за ним.

Однажды уж солнце за край закатилось – случись притащиться гостю. Дверь сносит с петель, стучится, кряхтит. Эка невидаль – без предупреждения под луною ломиться в аномальную зону. Все на исходных. Впускаем, ба! То НеВещий Олег. Вот если бы вспомнил себя, перестал над женой глу-

миться да брюхо растить, – был бы могучим, как издревле.
Ну, а так – призрак бывшего великого звания.

– Хомяка схоронить у вас мне надобно.

Тут Джей с матерью поперхнулись, переглянулись. Кукухой потомок двинулся. Огород-то попутал с погостом. Угодили болезного чаем да молоком. Объяснили, что неуместно. Тот на своем стоит, сидит, вернее. Сала развесил. С места не сдвинется, покамест не выроет яму для грызуна. Даже я тут, признаться, задумался о здоровье ума.

– Мы, конечно, тебе соболезуем, но почему здесь-то? Не в своем дворе, не в родительском?

НеВещий достал коробку с трупом и держит бережно. Будто то не хомяк, а товарищ его по складкам тела.

– То был любимый питомец жены моей. Пусть не знает. Скажу, что сбежал, не лишу надежды.

Джей мой выдохнул и отвечал.

– Стоило, прежде всего, подумать, чем на сей порог ступать. Надежду-то здесь и принято оставлять. Ну, да поздно уже, пошли. Только сам хорони. Я тебе не проводник.

Вооружив фонарем и лопатой НеВещего, ждет уже целый час.

Возвращается тот вспотевший, изнемогший весь, по пояс в земле.

– Ты хомяка хоронил, аль жирафа?

– Да я поглубже его закопал, чтоб коты не нашли. Они у вас лютые, – на меня оглянулся.

В следующей жизни за такие слова станет лютиком. Я улыбнулся. Мелькнула мысль в уме его грустная – отголосок поступка. В задумчивости потомок Невещий исчез в ночи.

Дни шли, тянулись недели. Пострел новый юный совсем поспел, осмелел. Озорство обратило подростка – в буйного. Ну, думаю, жди беды.

Повадился он все охотиться да ловить в огороде мелких птиц на границе зоны. А сам заглядывается в небеса на тех, что крупнее. Да сцапать не смеет. Преподаст ему жизнь урок. Так и есть.

Утром, смотрю, бежит оголтелый к стае. Прыгает на компост – они там питались. Хватает чайку за хвост. Та – в небеса. Клювом балласт за ногу вздернула да вознеслась. Красавец на землю – в обмороке. А клюв-то речной был острый. Вспорол ногу до кости коту. Инфекция. Температура, уколы и привет, агония.

Жалко юродивого, страдает. Хотя, говорят, молодость все прощает. Пользуясь правом Бога, иду в подземелье – проводить в путь последний. Бегают мыши. Под поступью-то боются, снуют. Но не до охоты тут!

Стоят, смотрю, на границе они с хомяком. Тот не ползком, а колесо, что при жизни любил, да крутит. Так неспеш-

но вдвоем и идут. Оголтелый на лапах, грызун – центрифугой. Крадусь в тени следом. Так и проследую до того света.

Хомяк говорит:

– Что ж ты, дурак, на чайку с лапами голыми. У тебя под боком Солнцеликий охотник. Спросил бы совета.

Фыркнул юнец:

– Да больно он важный, с приветом.

Хомяк тормознул, да как запищит!

– Враг твой – ГОРДЫНЯ, мой мальчик. Вот и пропал ты ни за что.

Лицо в серой маске склонил оголтелый набок. Грустен взгляд его от того, что так мало пожил.

– Да не тужи, – сжалился проводник щекастый. – Путь в лабиринте подземном опасный, но шанс выйти – есть всегда.

Отправились вместе со мной на хвосте они – в царство Дуата¹¹.

Колесо заклятое крутит хомяк. Из-под спиц выпускает искры. Так под вспышками двое выискивают тропы из тупиков.

Вдруг откуда ни возмись – крот!

Червяка заглотил, принимаюлся да шипит:

– Кто такой тут смелый ступает по моему тоннелю?

Оголтелый пригнулся, не знает, что делать.

¹¹ Загробный мир, управляемый Богом Анубисом

Хомяк берется за дело:

– Здравствуй, Дух слепой, трудолюбивый. Вот провожаю охотника я на птиц. Прости, что ступили в твой коридор. Не знаешь, случайно ль, где выход?

Встал крот на задние в полный рост. Стал огромным, шерсть вздыбил черную, из лап вылезают когти.

– Просто так тут не стенают. Что за гордость пропал – путник твой признает?

Сквозь веки, наглухо по договору заглушенные, крот и мне будто смотрит в душу. Слышал я, с Богом имел он спор. Коль выроет столько бугров, сколько звезд на небе, – получит зрение. С тех пор и роет из воли к победе. Заодно очищает землю. Только злобы уж больно много. Видать, веками да поколениями накоплена.

– Ну, что скажешь, маска серая? – вместе с земельником¹² хомяк на кота взирает. Призывает к ответу.

Юный вздернулся, ухмыльнулся:

– Слепой крысе раскаяться должно мне? Да кто он такой! Вот я – Кот!

«Эх, дурак», – я прищокнул. Весь род позорит.

Зашипел черный демон, как разозлился! Когтями в грудь юнца впился, трясет, изгоняет дурь:

– Слепота – пробуждение Духа! А раз такой умный, полу-

¹² Другое название крота

чай же не свет, но смерть!

Тут-то пасть крот разинул. Клыки, словно бритвы, вонзил уже было... Да вдруг хомяк бросается в ноги, пищит:

– Не вели казнить, страж темный! Видишь, темя его во сне! Взыщи по-другому!

– Тебе что с того, упокоенный в колесе?

– Речь идет о Судьбе, – напустил хомяк мистики.

Опустил демон юное темя на землю. Осмотрел со всех сторон. Дернул струны усов на три ноты, вердикт:

– Хм, действительно. Но оскорбительно сказанное тобой. Голову бы отсечь да бросить в котел чистилища. Так и сделаю, или... Кланяйся, проси прощения.

Хомяк смотрит на юного, взывает к рассудку. Я же замер. Из-за кулис держу на выбор с собою пари. Быть, или не быть?

– Прости меня, глупого, Дух подземелья. Демон могил, от вредителей избавитель. Спасибо, что днесь явился, отвлекся от дел. Укажи мне путь дальше? – поклонился огарок, хомяк выдохнул.

Крот же титулами усладился да возвратился к размерам обычным.

– Идите прямо, правой держите. Аршин через семь встретите разветвление, там и спросите.

Сколько двое в пути – неизвестно. Крутит спицы хомяк, кот идет понурый. Видать о жизни думает.

И вот, через семь аршин возникает... Мать честная! Майский жук! Тут я сам чуть было не воскликнул от дива. Что брат Хепри делает здесь?

Хомяк в колесе на ребро становился, искры сего приглушил, поклонился.

– Что тебе, служивый? – Жук гласит, на кота не смотрит.

Хомяк молвит:

– Великий брат Солнцеликого, тебя приветствуем! Вот уж чудо чудесное встретить тебя в Неподнебесной.

Урок пестуя с прошлой встречи, кот за проводником повторяет, преклоняется.

Тут к коту Скарабей обращается:

– Потерялся?

Глас его древний осеняет пещеру под черепом спящего разума.

Кот сражен наповал. Эху гласа внемлет да как заревет.

– Ну что, познал утрату? Хочешь вернуться?

Сколько в зеркало ни смотрюсь, а все дивлюсь спокойствию и мудрости брата.

Кивнул заплаканный, хомяк на пару всхлипнул.

– Больше чайку не кликай. Между правым и левым тоннелем курс держи посреди. Возьми золотую пыль, пригодится в тиши. Все, спешите!

Хепри крылья расправил, вверх взмыл да скрылся. Мимо, близко. Око левое мне задел. След затлел на пороге измере-

ния иного. Я подвис:

– Что же в брате моем такого, что каждый раз душа радуется?

Поспешал я настигнуть двоих идущих, вернее, ползущего и крутящего колесо.

Спустя несколько снов, настиг на очередном испытании.

Стоят, замерли, не двигаются. Перед ними извилистая тропа? Нет, кольца! Кольца, точно! Спящего Ужа.

Разместился он в ширину на весь проход. Притворяется, может. Посмотрим.

– Послушай, – хомяк на ухо шепчет коту, – Я с колесом не пройду, ты свободнее изворотливого. Обогни его тихо, неспешно, беги. Спаси себя.

Кот план тот не принял, разбудил машину.

Уж поднял голову, зевая, пасть разинул. С заднего ряда зубов истекает на землю яд.

– Что тебе надо, ретивый?

Ряды колец бесконечных разворачиваются мне до плеч. Не стучит сердце рептилии, а шипит.

– Пропусти кота, Хепри то разрешил, – хомяк осмелился.

– Жук ему разрешил? Ну, и где он? На выходе, как видишь, я один. И ужжжасно голоден.

Сверкнули кинжалы зрачков, Уж смеется безжалостно.

– Что тебе нужно? – осмелевший вконец вопрошает Кот,

вспоминая крота.

– Жертва! Вот она-то мне и нужна! – расправляется Уж кольца во всю длину.

Свод Дуата собой подпирает траурная чешуя. Но не вмешиваюсь я.

Переглянулись двое, все поняли. Обоим не выйти живыми. Так пусть же решит Судьба!

Грызун запищал. Колесо крутанул на тридцать четыре раза. От паров ядовитого газа превратились искры в пламя да подожгли змею.

– Ну, прощай, счастливый! Джею юному передавай привет!

Питомец НеВещего разбежался, издал визг последний да забил собою пасть чудища.

Бросился Небелоснежный, но теперь уже Пепельный сквозь огонь да кольца удушающие – во тьму... Тут-то и вспомнил я всё, о чем говорил мне брат Хепри.

Вслед хвосту опаленному убегающему кричу последнее слово.

– Ба!

Солнце. Лето. Жара.

Я лежу на границе и вижу сон.

Идет Пепельный в подземелье подросший. Видит – то ли

змеи, то ли роща. Подходит ближе – дурманящий аромат. Корни яблони манят к себе в объятия уставшего призрака Дуата.

– Где ты был, милый? – нежно спрашивает сквозь сон голос возлюбленный.

– Искал выход.

Она выдыхает:

– Нашел?

В ответ сыплет Кот пыль золотую на корни изъеденные, уязвленные ложью и ненавистью.

– Всё, довольно.

Тяжелеют веки. Секунды выют из минут парсеки. Исцеляется дерево. Кот укладывается у корней в клубок и ждет.

Тридцать четыре унции пыли.

Разверзается в куполе Подземелья отверстие. Свет жемчужный – в конце тоннеля. К пепельному протягивается рука сильная.

Джей гласит:

– Ну, привет, СимБа!

Я просыпаюсь, потягиваюсь. Пора ловить мышей. Их что-то в доме нашествие. Хотя это всё так, суета.

– Смотри, Солнцеликий! – Барс Нежный кричит, подпрыгивает несется.

Джей выносит Пепельного. Тот вот-вот очнется и вспомнит значение своего имени.

Я улыбаюсь. И отныне приветствую тебя, СимБа.

Ибо то означает:

«Бога Душа».

НеСказ 4. «Жало за Жало»

Шепчу я во сне:

– Где ты сейчас, Одиссей?

Минуло тридцать четыре месяца с тех пор, как выпустил его в странствия. Разошлись мы в стороны разные. Он – на Север. Я – на море. В заводи к местному Богу Ямы¹³ – Яме¹⁴.

Тихо здесь. Мертвое чрево Червонного озера, словно склеп для душ мирового потопа. Консервация времени. Хранилище для сокровищ дракона. Но какого?

– Чурчхелла, пиво, пахлава, – на жаре в тридцать четыре и два (34,2) захира¹⁵ местная призывает к сошествию в сахарную Вальгаллу¹⁶.

Солнечный удар. Видение:

Орнитогалум – «Звезда Вифлеемская»¹⁷ взывает ко мне из мест не столь дальних. Полуостров Тамани, запад. Темрук – «сын железа»¹⁸. Из-под небес бьют в тамтамы¹⁹ ловцы

¹³ Народная поговорка гласит: Одесса – Мама, а Сочи – Яма

¹⁴ Бог Смерти и справедливости в индуизме

¹⁵ Транслитерация арабского слова «ведьма»

¹⁶ Рай для павших воинов

¹⁷ Народное название цветка

¹⁸ Интерпретация имени «Темрук»

древних птиц за жабры. Слева кто-то жалобно то ли поет, то ли стонет, причитая «помер».

И вдруг с истошным воплем «Жива!» – славянский знахарь врезает под дых мне. Воздух морской проникает в прорези век. Вот и привет, новый клиент.

Так и ходил к нему лечиться. После куницы, волчицы, ослицы – от звонка до звонка. Тот одним вправлял лапы, другим – ставил мозги на место. Так, говорят, одна и стала его невестой. А как бы не стать? Статен, будто сам Аполлон, как Черномор хитер. Да меж ног – конь двухколесный немецкий. Дивлюсь красоте его. Но Звезда Вифлеемская от Тамани взывает, манит.

– Живи, Джей! – так, смеясь, приветствовал знахарь меня после удара.

Я в ответ улыбался. Но словно падал в безвестную пустоту потери...

– Мы все атомы, Джей, пойми. Плыдем в Океане темной материи. Теряем частицы, конечности, время. А нет ничего ведь, кроме любви.

На раз, два, три – выдох. Дергает знахарь за правую ногу. Я ору. Орлу Духа, летящего надо мной, вручаю весточку: «Привет, Единый мой Одиссей».

Знахарь чешет рыжую репу в надежде понять сию невидаль.

¹⁹ Древнекитайский ударный инструмент, как гонг

Дабы не слыть невеждой прищуривается, достает телефон:

– Вот тебе номер шамана. Он раны душевные исцеляет. Методы, конечно, странные, но, говорят, помогает. Мой привет передай, пусть зачтет. Ну все, бывай!

С тех пор о знахаре – ни слуху, ни вести. А невеста, говорят, спохватилась всех сбережений. А чего ожидать, когда в КriptoСтолице²⁰ растишь фикусы, фиго и финики²¹.

Вернулся звон в ушах. Бьют тамтамы небесные. Как Тамерлан²² хромаю к шаману чудесному. Кругом – голубиные трупы. Расширяются медные трубы, качают валюту. А отходы да плесень – галлонами льют в Червонное. Невыносимо. Повсеместно афалины выбрасываются на берег. Кто-то кричит: «Помогите». Прохожу мимо.

В отеле «Четыре звезды» на закате у моря в номере – ждет меня шаман. Стучусь.

– Проходите, – скрипит то ли дверь, то ли голос.

Хромая, снимаю предохранители с ног. Волочусь к кудес-

²⁰ Крипта – это сокращенное наименование криптовалюты, электронное платежное средство без физического выражения формы. Также в средневековой архитектуре – «нижняя церковь», помещение для почитания мощей святых и мучеников.

²¹ Аллюзия к Finiko – финансовая пирамида

²² «Великий эмир, Железный Хромой» – тюрко – монгольский завоеватель, покоривший Среднюю Азию от Каспия до Индийского океана и от Китая до Египта.

нику. Ожидаю увидеть чудо заморское – с бубном да в ожерелье с костями. Глядь! А то простой русский парень, меньше меня на два фунта.

Вот так круто знахарь развел меня.

– Вы шаман по ногам и душам?

Парень кивает. Резкий запах спирта. Ладонями растирает колено раздутое и мычит: «ОмммНамах». Сердце стучит нитевидно, будто я – покойный монах.

– Кто же вам, батенька, в ногу и душу кол-то вонзил? Да к тому же осиновый.

Парень в корень зрит.

– Это на что Вы сейчас намекаете? Кровососом обзываетесь?

– Не сердчайте. Такое случается от проклятья неразделенной влюбленности ведьмы. Встречались ли вам они? Вы им отказывали?

Тут смотрю – силуэт шамана рябит. А над теменем восходит нимб, как свет прожектора. Превращается лик его в морду... Моего ушедшего Пса. Трясу щеками – развеять мираж. Шаман приникает ко лбу.

– Уу, да у вас агония. Ну, тогда в добрый путь! Готовы?

Чувствую – плохо мне. Бледно кивнул да лег на платформу.

Шаман приносит склянку округлой формы. В ней пчела

жужжит, паникует. Будто чувствует – недолго жить.

Шаман говорит о каком-то заговоре. О надежде. Привороте не первой свежести – на кости. Не материи уже, а черной магии.

– Чтоб соблюсти все формальности по-канону, ответьте, батенька: готовы ли вы проститься?

В пылу лавины жара, всеохватывающего изнутри, киваю жадно. Заслон склянки рука отворяет. Жало впивается в ногу. Пчела дергается. Падает оземь. Раз – два – три, последний выдох.

Шаман глаза закрыл и с почтением молчит. От испуга я отключился.

Море шумит. Вуалью пенистой волна, как вдова, омывает место почившего афалина. Слышу в груди – эхо тонкого далекого пения. Открываю глаза, грудь пронзает кручина.

– С почином и возвращением назад!

Шаман протирает ладони спиртом. Берет оплату. В колбе пустой молчит тельце воина полосатого.

Спустя тридцать четыре часа я ногою легкой ступаю на берег морской. Народ еще спит. Со стихией наедине мы.

Вдалеке – афалинов стая резвится, решаюсь плыть к ним. Гребу, запыхаюсь. Все-таки отражаются на здоровье жара, чурчхелла и пахлава.

Вдруг впереди, смотрю – барахтается детина... За воздух хватается, жужжит. Поглощают волны-то чертовские поло-сатую спину... пчелы! Разверзается гром под куполом. Афа-лин уже мчит, но я быстрее. Из-под толщи воды подставляю правую руку. Сажаю пассажира на палубу да разворачиваю корабль к берегу.

Ветер тучи нагнал. Поднял волны, что выше темени. Гре-бу, не помня себя, контролирую руку. Ладья тела едва уже тонет с одним плавником на ходу. Еще волна – и ко дну. Чую вкус водорослей во рту. Кричу: «помогите». Мимо плывет афалин. Незримая сила толкает на берег. Меня подбрасыва-ет.

Рука разжимается. На ладонь льется жемчужный свет. Пчела отряхивается, распростирает крылья и возвращает-ся – в небесный улей.

Выплюнув водоросли, не в силах больше двигаться – огля-дываюсь на горизонт. Хвосты резвящихся дельфинов ударя-ют о волны. В память врезается вдруг момент из пути, когда отпустил Одиссея.

Волга. Правый берег. Я жил на левом – в деревне. И вот в самый центр приезжает танцовщица с Севера. Увидел её, да екнуло сердце. Виду не подал, подписал протекцию перед другой. Снились тогда мне вещие сны. Так в одном из них – две ведьмы сильные делят трон. Я то ли на нем, то ли над ним, уже не важно. Просыпаюсь – танцовщица страждет

встречи, приглашает в обитель на чай. Я соглашаюсь, отчаявшись семью завести с прежней.

В пылу разговора вечернего гибкая дева приглашает свершить обряд.

Дает в чаше зелье. Кладет на пол... Слова сладкие, словно яд, проникают в душу. Отражаются в черепе, умиряют подозрения:

– Пей, Джей. Расслабляйся. Считай на раз-два-три и смотри.

Вдруг вижу:

внутри комнаты на ковре в изголовье сидит надо мною – обличие Змеи. Червонное золото в чешуе черной блестит. Заливают лучи свечей – купол пещеры. Горгона шипит:

– Спи, Джей.

Клыки, что жала, нависают над шеей. Кишащий клубок опускается вниз.

И вдруг, откуда ни возьмись из-под половиц вздымается хвост кита. Два плавника упираются в стены, крошат кирпичи. Визг змеиный стоит, Горгона жало хватает – вонзает в грудь.

Кит выныривает и трубой боевою гудит. Под собой меня поднимает. Рассекает ведьме усами лицо и бросается со мной – в окно. Летит до Волги. Струей орошает шрам посередине груди. Звук мелодии. На границе аномальной зоны – эхо далекой песни. Я пробуждаюсь с ним:

– Живи, Джей!

НеСказ 5. «Небесные птицы в клозете (closet²³)»

Помнится, случилось то, когда Джей с Одним – Одиссеем разъехались по разные стороны света. Кто – на юг, кто – на север. Делают круг.

СимБа, покрытый пеплом, совсем подросток. Стал ходить с Солнцеликим в плоскость ловли мышей. Иногда до ушей его долетает голос Хепри. Пепельный бежит во двор. Сперва – кажет нос, чтоб не было чаек, затем уж – хвост. Отражается эхо Голоса в куполе Поднебесной, опосля уже – в синих очах. Так и играют друг с другом – в прятки на облаках.

И вот однажды от скуки наблюдает Рыжий за салками брата и Ба. В доме стоит тишина, нет никого. Вдруг на границе Дуата и компостного филиала зоны Бога Ямы из земли выползает... Змея? Нет! Хомяк!

Главный – враз достигает норы, разверзает клыки, грызун простирается:

– Не казни, Солнцеликий! Донесение есть!

– Что за трюк! Я же видел, как Уж тебя поглотил.

Субстанция пожимает плечами. Вот так сенсация! Пуши-

²³ С французского – огороженное место, туалет.

стая реинкарнация.

Из Дуата – лапа протягивает папирус. Информация из Тибета, с того света. Отпускает служивого, читает символы. Строка про Джея.

Вмиг достигает дома Рыжий и – в нужник. Жили там издавна, со времен его розовой матери, – две небесные птицы. Волнистые. Зеленый, да L'oiseau bleu²⁴. Двое в клетке у канализации, для поющих – не лучшая участь. Но разлученными быть – еще хуже.

Обращается Ра к мужу.

– Что же, друже пернатый, прѳбил твой час. Готов ли сейчас послужить на благо родине малой?

Взглянул подневольный Ба Птаха на диву свою. Грудь распрямил да молвил:

– Готов, Солнцеликий. Хоть на смерть, хоть на опыты. Позаботься только о моей любви.

Перья дрогнули, клюв обернулся к ней:

– Сквозь миры и столетия я вернусь к тебе.

Затвор отворился. Во двор вырвался малый Птах истребителем, и до границы – на всех порох.

– Найди Его! – кричит Игорь тому воспослед.

Изумрудный кивнул, взмыл под свинцовый купол и скрылся.

²⁴ С французского – «Синяя Птица»

Гром прокатился по всей Долине Снов. Хорса²⁵ диск опускается за горизонт. В дурака режется Домовой с пограничными. Полнолуние. На берегу реки вдруг завыли... То ли медведь, то ли волк. СимБа – в пятках у Рыжего. От страха застыли все.

– Что-то не так, – Солнцеликий пускается прытью к Дуату.
Кричит Хомяка.

Три – четыре часа испаряются в ожидании вестей. Вырывается из подземелья лапа с папирусом.

Один только символ.

Зрачки расширяются. Игорь бежит к L'oiseau bleu.

– Ну что еще тебе, Рыжий?

– Времени нет, лети!

– Ты что, с ума сошел? Я буду ждать Птаха!

– Нет больше Птаха! И нас с тобой тоже не будет, коль не полетишь!

Тут с крыши кубарем вывалился Домовой, возвестил:

– Пограничные испарились. Оболочки хлопнули, раз и исчезло всё. Что случилось?

Кот торопится. Распалает огниво. Око левое плавит спицы калитки птичьей.

– Не успеешь – сгинут все! И Никто не проснется!

Птица небесная хочет спеть песню, но выдыхает:

– Освободи.

И вмиг булатом блеснули когти. Замок распарывается

²⁵ Славянский Бог солнечного диска, ипостась Бога Солнца

на груди. Приказ звучит:
– СимБа, проводи!

Провожает Ба Пепельный почти невесомую L'oiseau bleu на границу миров.

По ту сторону – синяя сеть глубоких озер отражает дымку перьев.

L'oiseau bleu парит над Волгой. Крылом задевает плавник кита. Он в ответ запекает песню древнюю, о том... Как остовы предков его стенают в песках времени близ Ока Ришат. Домой призывают последнего – отщепенца стаи.

Синей стали касается клюв едва зримой посланницы. Тяжелеют веки кита. Истекают мгновения гиганта в устье слияния Волги и Камы. По канону Дхармы превращается кит в созвездие. И возвращается уж Один. В изначальный Единый – Океан.

L'oiseau bleu превращается в бабочку краснокнижную – с ликом черепа крыльев меж. Символ бессмертия-то служит пропуском на границах всех миров. Долго ли коротко ли. Всё летит, оглядывает поля да земли Бражник Мертвая голова. И забывает все послания и все слова.

И вдруг! Над истоком реки Ока встречает она...

Орла! Размах крыльев – три целых четыре десятых метра. Плышет против ветра. С интересом над посланницей аномальной нависает, вещает:

– Что тебе снится, Птица? Ищешь ли тут кого?

Никому непокорный – Дух свободный пронзает ясностью разум L'oiseau bleu. Та вспоминает, сколько уже парит, и что путь её есть Восхождение.

– Не видел ли Джея ты тут одного?

Заискрился Орел. Пронзила его стрела электричества изпод небес. Глаза воспалились синим. Сам Бог Инея перво-зданный в война да спустился, молвит:

– Видал. Под покровом сизым нбчи – далече от этих мест. Курс держи на земли черкесов. Там брат мой спит – Фишт. Ему сперва вручай поклон мой, а затем уж внимай ответу. Да совет: ключ доступа к мудрости древней – прозвище.

Орел Синий пришел в себя. Поклонился. Да ретировался на землю – завидел серую дичь.

– Чуть было не заблудилась, – L'oiseau bleu выдохнула.

Бабочка Бражник летит стрелою отважной мимо полей кукуруз и стрелиции. Видит обломки спиц с колес велосипеда в ржавчине. Распалает жар в груди, переданный Солнцеликим Оком. Кричит имя мужа в сердце, ускоряется.

Спустя семь на три четверти дней долетает Бабочка – Птица до Адыгеи. На высоте трех тысяч метров почти, по морю – в двадцать три унции, ждет ответ её.

На крыльях совсем испарившихся истонченных спускается L'oiseau bleu – на лик Фишт.

Брат просыпается и ворчит.

– Кто тут сидит на моем лице?

– Это я, Синяя Птица. Хоть и не видно меня почти, всё же,

Высший, тебя приветствую и смею спросить.

Старик смеется:

– К мудрости моей нужен доступ!

L'oiseau bleu взмывает в воздух, взглядом охватывает холм вокруг креста и кричит:

– Белая голова!

Содрогается короста инея. Жемчужный свет прорывает плеву щелей. Сила древняя раскрывает пред Птицей гробницу.

Глянь, а в ней! Сокровищница из кристаллов, ценных металлов, кораллов, солей. В камень запечатлевшихся – звезд морских да ежей.

– Ну, хватай же быстрее! Этого ты хотела?

Едва не срывается L'oiseau bleu вниз, но вспоминает... Мужа. Солнцеликого. Кита. Кукурузу. Орла. Спицы раздвигают границы Сна. Ветер приносит ей Имя.

– Я ищу Единого. Путь укажи мне в то место, где он Жив!

Выдохнула Глава Белая одобрительно. Гласит:

– Вижу, как Темуджин²⁶ он хромает сейчас к гибели, объединяя миры. Держи аммонит. Правый глаз его сопровождает тебя в место правильное. Ну все, лети, Птица!

²⁶ Монгольское – Чингисхан

С лавиной снежной на куске коры древа ясеня Брат спускает её к подножию. Остриё лимба зрачка орлиного врезаётся в купол города Бога Ямы. L'oiseau bleu воспаряет, мчится на всех порах под сизым облаком.

Вот уж за блеском червонным виднеется – пункт назначения. Пульс нитевидный превращается в ритм. L'oiseau bleu танцует в воздухе, и вдруг...

Удар. Ушиб. Падение в море. Незримый щит электрический. От КристоЦентра исходит цифровой оттиск мора. Неживая защита пульсирует – объект неопознанный держит снаружи. Тут же мчат афалины к L'oiseau bleu. Героиню, как мать, относят бережно, непредвзято – на нулевое плато.

И вот лежит она посреди опушки. Лесами окружена. Рядом – избушка. В ней – три медведя. Потоп и стужа. Обесилевшая в скандинавском доме на хрустальном погосте, L'oiseau bleu шепчет:

– Quanto costa²⁷ отсюда выбраться?

Глаза закрывает. Не двигается.

На стороне левой Волги – Солнцеликий растрчивает остатки от пыла Ярила. На обряде уст отвержения²⁸ всем – восклицает: «Рудра²⁹!» Лапой розовой держит мудру. Стре-

²⁷ В переводе с испанского – «сколько стоит?»

²⁸ Мистическое открывание рта умершему (обряд в др. Египте)

²⁹ Бог смерти, охоты, очищения через ярость и гнев. Кричащий Бог.

ла вылетает из колесницы. Горит папирус с символом. С крыши на Домового падает «Заратустра».

Наступает Тишь.

Свидетелем аномалии выступает Бог Инея, выдыхает:
– Придется мне разбудить Его.

Призывает Орла, врезается в грудь ему. Против ветра под мелодию Созвездия Кита мчится в КристоСтолицу. Тормозит на пороге. По следу удара L'oiseau bleu проводит крылом: электрифицирована. Левым оком просматривает прозрачный купол. Будто в кокон, он оборачивает всех вокруг словом «Нажиива». Сам Повелитель Мух³⁰ позавидовал бы искусству таких Ловцов Снов. Даже Богу идти туда несносно. Но выход есть всегда.

Вспоминает Орел своих братьев: Руха, Симурга, Гаруду. Но, если сразу послать их, то... От нехватки энергии Духа ниже – можно вызвать Ядерный взрыв. К слову, Гриб.

Даром, что цифр концентрация качает потоки финансов. Но какой ценой? Деревья с землями – клопами изъедены, дома заволочены плесенью. Видит – плетется Джей посреди понурый. За собой оставляет полосу изумрудную.

Вмиг Орел обращается в сойку. Пересмешницу – с оперением синим. И, словно призрак для КиберГорода, – клювом незримым пронзает его миражи.

Приземляется рядом с Джейем. Взмахивает крылом да вон-

³⁰ Вельзевул

зает пред ним перо:

– Это тебе за Зело³¹ от L’oiseau bleu.

Не успевает и слова молвить ужаленный с шрамом на груди. Сойка взмывает и... Исчезает в Сети.

Стоит приемный отец Одиссея – ни жив ни мертв. Что за черт?

Проходит три дня и четыре недели. Лютят дожди – без стыда и совести. Джей пишет повесть о «Неизвестном». Псов охраняет в поместье самой Сехмет³². В небе – нет ни проблеска, ни луча Хорса. Какое тут возвращение домой! Воют псы во сне пред содроганием земли. И Джей ревет с ними.

Утром – стук в стекло. Трясогузка врывается на балкон. Будит всех, даже тех, кто мертв. Хвостом качает да смотрит на рукопись:

– Мать честная, Джей! То ж не повесть, получается, а апокриф. С дуба рухнул?

Клюнула в темя путника. Пером чиркнула о кирпичи. Пламя объяло листы, окаянная взмыла в небо. В радугу обратился след ее, Джей ухватил улику – перо серое.

Вспоминает: остановился на главе сошествия Одиссея в Дит³³. Вдруг задрожала земля от дыхания Бытхи. Псы

³¹ Непознанное сияние, выходящее за грань понимания

³² Богиня палящего Солнца, «Око Ра».

³³ Город Бога подземного царства – Аида.

не прыткие уже – не рыпаются. Челюстями колотят друг друга о лоб. Гром раздвигает плоть неба. Нисходит на землю огромный потоп. Окружает их холм и жилище.

Джей ищет, где выход.

И вдруг – видит. На древе Вяза соседнего участка Ястреб терзает зайца дикого.

Джей взывает с мольбою к хищнику, начинает торги:

– Помоги! Тут щенки невинные, отнеси их в леса, спаси!

Исподлобья ястреб грозно взирает на остров, объятый водою. Тенью, словно мглою с Везувия, вниз пикирует. Когти взрезают крышу. Сквозь крошево – слышно злое:

– Спасение тонущих – не наше дело! Сам возопил, так умри!

Хватает жертву за шиворот, пронизывает до кости. Псы бросаются демону в горло, кромсают в труху.

Джей смотрит на руку. Следы от удара поверх тату дерева придают тому облик тотема. Бьют тамтамы. Волна отступает неспешно. С собой забирает трупы. Возвращает всех туда, откуда пришли.

Корни раненые оголяются. Месяц серебряный из-под полы достаёт краплёные, наострённые на Дурака – карты.

– Не сегодня, Рогатый.

Апокриф близится к главе Седьмой.

В ней восходит из Дита Адонис³⁴ к возлюбленной. Джей

³⁴ Финикийско – сирийский Бог Весны, возрождения. Возлюбленный Афроди-

спит под Яблоней. Во сне является к нему СимБа, отдаёт золотую пыльцу.

Золотому тельцу здесь молятся все. Но Джей смотрит в лес. Оттуда льётся голос далекий, будто любимый:

– Где ты, Единый?

Сорок сроков спустя – тучи рассеиваются. Джей выходит на берег с псами. Достает и пишет заново синим пером опаленную рукопись. Зверобоя горсть сыплет в кубок. Опрокидывает, укрощает позывы выть.

Морда небритая мокрым носом тычет в плечо. Это что ещё?

Друзья главы наверх задирают. Проплывает над ними величественно медленно Цапля. А за нею – в Царство то ли кит, то ли Созвездие.

С Визгом довольным волны бросают дельфинов ввысь. Кричат они хором игривым:

– Сам Бог Бенну³⁵ выбрался из сети золотых цепей! Так Живи же и ты, Джей!

ты – см. «Миф об Адонисе».

³⁵ Душа Бога Ра, священная Птица Гелиополя, по легенде – производитель Космического Яйца, аналог Феникса.

НеСказ 6. «Курган»

Случалось такое во крае Кургане. Пробегает однажды там Одиссей. В лапу раненый. И встречает одну медицинскую сестру.

Пока та втирает ему изумрудную жидкость. Ей он вещает о том, как родился, да пустил его Джей в странствия дальние. Вернуть дабы память из нитей да золотых.

Сестра рот разинула, как завизжит!

– Говорящий кот!

Звук издаёт – подбитой чайки. И от шока на месте... Не скончалась, а захворала!

Хворь та лютая едкая, проедает кости. Светила от медицины обследуют. Вердикт единый: «Увы, Вас уже не спасти».

Сестра кручинится, но Одиссей говорит:

– Помирать, так с музыкою в пути!

Гиппократ жрица продаёт поместье. Покупает гитару и велосипед. Складывает пожитки и направляется осуществлять мечту последнюю – к морю. Один благословляет и возвращается на свою дорогу – к Северу.

Крутит педали болезная. Жар распалает в груди. Воспаляются в шее узлы. Инфекция. Температура, агония, в общем...

Лежит она в комнате местной уездной больницы. Видит сны. Какая-то дичь! Про Неизвестную Синюю Гтицу, китов, аномальную зону, медведей, волков, созвездия, зверобой. Месиво. А последним этюдом – Око Рыжее. Караван верблюдов, как мышь, пролезает в ушко игольное. Никто Никогда над ней нависает. Пыльца осыпается, раздаётся: «Проснись».

Она пробуждается. Температура снижается. Эскулап трёт ей лоб да пожимает плечами. Что за чертовщина?

Сестрица крутит педали. Срезает пути полями да кукурузными. Ест коренья, пьёт самодельные зелья. Из них же. И на привале однажды провожает глазами... Бражника...

Скоро уж срок, эскулапом назначенный, да подходит. Сестра исходит потом – крутит колеса быстрее. Вылетают спицы на её пути, испускают искры. Она вырывается из колеи. Оглядывается: холмов и нор – мириады, словно звезд. Кротоми взрыты.

Едет меж ними, прощается, вес теряет и груз... Бремени прошлого. Тут над ней пролетает Майский Жук. Задевает сестрицу усами. Та чихает. Под небесами над велосипедом подскакивает и снимает свою... кожу старую...

Молодеет. По пути обрастает текстами. Превращает их в песни. Поет сама – под гитару и продаёт. С музыкантами обогащается. Издает свой альбом и тур называет «Прощальный».

Звездой певчей сестрица так достигает КристоСтолицы.

Останавливается на пороге, стучится.

– Кто – кто здесь живёт хоронится?

Ей в ответ – тишина и цифра. 0 (ноль). Зеро. Никого.

Сестрица въезжает под купол-то электрический. Коня оставляет во дворе среди магнолий. Аромат певучий да дивный вдыхает легкими обновленными. И вдруг вдалеке видит – лик. До боли знакомый. Ранее кем-то описанный...

Сестрицу трясёт. Вспоминает слова Одиссея и бросается к Джею – на руки. Тот обнимает, берет на поруки – исполнить желание последнее.

В среду к полудню Джей заказывает Ладью. Нанимает Харона – и на горизонт моря плывут уж они втроём. Джей улыбается, но внутри – не поет, а воет. Сестрица его обнимает да лечит словом. Об Одиссее, что чудо дивное. Слушает то и море. Афалины сопутствуют их судьбе. И вдруг сестра вспоминает... всю свою прошлую жизнь. Тропы. Не те повороты. Людей, боль от лжи. Неуемная хворь вновь внутри завывает. Джей наливает ей зверобой. Рвёт сестрицу, качает во все проекции. На бок венчает и – в сон.

В полночи – выходят они на берег. Джей кладет ей на лоб ладонь.

– Я своё дело сделал. Ждет тебя град, слывет что «Святым». Ушедшим он – по колено. В затоне Червонного моря среди – найдешь ты покой да исцеление.

Прощается Джей. Неспешно уходит. У хостела «Улей»

среди цвета магнолий стоит и ждёт её конь без спиц. Обнулись колеса. Ничто не мешает. Пусто. Сестра поезжает да крутится о веретено пути.

Прошло-то дней эдак тридцать четыре. Впереди – Геленджик лучами светится. Сестра вырывается из-под щита Бога Ямы да КристоЦентра. Поднимается пыль. Забывается все. Стучится:

– Кто – кто здесь живет?

Море шумит. Волна бежит, превращает архивы в лето. По следам сестрицы – бессмертник растёт. Обращает её не в эскулапа, но лекаря.

И стекаются к ней со всех миражей бедуины со существами. На грани жизни ступают они – кто по́ свету, кто – в подземелье. Для всех уже здесь уготовано место.

И вот однажды, под видом страждущей – фонтан целебного дара сестрицы посещает... То ли женщина, то ли ящерица. Глаза узкие в щели стягиваются да льстят:

– Ах, руки твои-то целебные. Сердце волшебное берегут стражи очей изумрудных!

Сестру постепенно слова погружают в уютный да влажный... покой.

Водоем. Сестрица кивает. Соглашается быть вдвоём. Пришелица руки трет, продолжает:

– А ты знаешь, золотая, в тебе же сидит проклятье! Не дар

то целебный. Одной чашей – даёт, другой – забирает силу, здоровье, пыльцу волшебную. Ужо поезжай со мной на Алтай. Там живет издревле Ведьма одна. Могущественна она. Три века звать её ШиБальБа. Отвратит то проклятье да снимет хворь. От шкуры очистит и выпустит.

Сестрица хоронит в Червонном затоне колеса коня железного. Гитару о камни бьет. Жабой прыгает в ступу к той, что обещает... Ни много ни мало – вечную жизнь.

Приезжают вдвоем они на границу двух Миров – живых и мертвых. Почти что Тибет. У подножия сизой горы оставляет сестру пришелица.

– Жди, – говорит, – за тобой придут.

Целительница поселяется в хостеле пбблиз леса. Сдаёт на охрану вещи и накопления. И к ночи спускается с гор за ней не кто-то, а сама... ШиБальБа. Пожилая Ведьма сестрицу берет за руку – ведёт за собой в избушку малую.

– Чую, чую что душу твою забрал сам ДьяВол! Вижу, плывёте вы с ним по воде. Он тебе рассекает клетку груди. Вынимает сердце, смеётся да с море бросает синее. Червонною слизью тебя отравляет и возвращает... Черт знать куда. Никуда.

Тут заревела сестрица. Поверила, что то был не Джей, а Зверь! Что же делать?

– Принимай решение. Избавляться от вируса, или... Так

и влачить свою седую жисть³⁶ – НеЖитью.

Сестра снова ревет. Не может поверить! Обманули! Доверилась Зверю! И бежит под утёс. В ночи заползает в хостел и – трое суток с высокой температурой. Бредит. На четвертые, выплакав все до горла, поднимается ко спасению – ШиБальБа.

Та сестрицу-то приючает. Готовит обряд. Месяц рогатый заглядывает на мехами раздутое плато. За границу круга, огнём объятого, сестра вступает и... Исчезает. И вдруг вырывается с другого конца опалённая трясогузка серая. Вихрь вверх от нее листы поднимает. Ловит один ШиБальБа, читает да... Помирает.

Избушка ветхая рассыпается. Выползает сестрица запекшаяся – из нутра древней какой-то печи. Смотрит на лик почившей Ведьмы. И запекает песню...

Боли и хвори не чуя боле, спускается с дальней дистанции гор. Приходит в хостел – все уж украли. И вещи, и сбережения. Сестрица смиряется. К полуночи – отправляется в путь под далече звук воюющих. Туда поспешает, откуда пришла. Но теперь уж пешком, без всего. Пуста.

И вот идёт в беспомыслии путница. Оглядывается по сторонам. Что за места? Вместо дорог – одни словно тропы. Ползёт по ним на своих двоих. Ночует в лесах. Ловит лягу-

³⁶ От сленг. – Жизнь

шек и ест. Омывается в реках да заводах. Терпит.

И вдруг с диким скрежетом тормозит рядом с ней колесница красная с символом «W»³⁷. Водитель-то лысый кричит: «Помоги! Рожает жена на сидении заднем!» Руки сами пускаются в дело. Мозг вынимает из обучения главу: «Акушерство и гинекология». На обочине – ревет уж роженица. Мужик вокруг носится с ведрами, выдирает волосья из лысины.

Руки сестры омываются кровью. Выдаётся плод. Хлопок. Крик, словно птицы дивной, вырывается из груди младенца. Близ Яблони дикой – девочка, 3,4 (три целых четыре десятых) кг. Меж бровей месяц смотрит на друга Непомнящего. Глаза голубые рассеивают забвение сестры. Она кричит Имя... В груди разливается Океан Любви.

От такой-то древней силы да мощи – путница сознает ошибку главную: предательство веры в себя.

Головой ударяется о крыло колесницы, и на границе – падает в обморок. Новоиспечённые родители подхватывают сестру-то под руки, но уже поздно. Кома.

В ней видит сестрица сон. Вот гребёт она в синей ладье по бесконечной реке и тоскует о ком-то. Вокруг лишь туман и морок. Пульс нитевидный тянет к острову. На нем собралась вся почившая её родня. Машет, зазывает в покой с собой. Корма ладьи с головой кота – уже направляется к берегу...

³⁷ Читается, как «Дабл Ви»

И вдруг... Как гром среди ясного неба, по ту сторону Волги – Голос. То ли стрелой, то ли клювом пронзает темя. Тучи рассеиваются над памятью. Поворачивает сестрица шею и видит руку... К ней тянущегося Джея.

Вспышка до боли знакомой улыбки озаряет лик. И производит «Проснись».

Она просыпается. Видит – лежит на мягкой перине из листьев рукописи на берегу Тобола – реки. Там же, откуда приехала. Читает. Уста отверзает, чтобы кричать, но... Замирает. Как в детстве – смеётся!

Над Курганом проносится фраза, свежая что горный лед.
– Я не буду прежней!

Так родилась Надежда.

НеСказ 7. «Фонтан Вечной Жизни»

Однажды приглашает меня Надежда с собой прогуляться. Благодарствует за явление, пробуждение, рождение и... Дарит поездку в Кавказские горы.

Я еду из КристоЦентра. Уж Вересень³⁸ месяц. Бога Авсенья³⁹ все почитают на родине. Я же в поезде – вижу сон.

Гора. В нее поднимаемся с неким братом. Наверху простирается плато и огромная, трех – четырех – метровая глава змеи. Из скалы будто высечена, а изнутри – свечение. Вход в пещеру. Друг на друга оглядываемся, заходим.

Внутри – невозмутимая гладь голубого озера, да кристаллы вокруг. Посреди, будто кол, – возвышается столб. То ли кнопка на нем, то ли клавиша.

– Вот оно, управление судьбой. Кто нажмёт? – брат ожидает решения.

Вода ледяная прозрачная мне по пояс. Ступаю. Поток неземной красоты – переходит во все цвета радуги, омывает пол тела. Тянусь. Вот нажал уж почти, но сзади кричат: «Подожди!».

Просыпаюсь. Из свежести льда попадаю в адский котел.

³⁸ Сентябрь

³⁹ Бог осеннего солнца, плодородия

Жара плацкарта заварила уж в воздухе бульон из носков и яиц. Такое амбре не отыщешь у парфюмера. Изысканней оно «шанеля», но аутентично лишь для сих мест.

Надежда радостно в белых одеждах меня встречает под вопли таксистов: «В Кисловодск за триста».

Похоже... не просто в горы, а лечиться пригласила меня сестрица на Минеральные Воды. Пью жадно все виды из источников серводородных. Пузыри щекочут горло. По привычке чешу его зверобоем.

Отправляемся в горы.

Сестрица в них хочет сыскать... Мать честна! Ни много ни мало – Источник Жизни. Некий «Фонтан-Водопад». Местные говорят, бьет он сверху и с подземли одновременно. Волны сталкиваются посреди, образуют силу эдакую, что погрузи туда хоть что-либо, то обретет оно... Вечную жизнь.

– Жить бесконечно стремишься? Люд сторонится таких вещей. Ворон белых, как одежды твои, игнорирует. Потому что жизнь ведь на то и ценна, что смерть правит бал. Ибо кто схоронит того, кто один остается навечно? Не правда ль, Надежда?

Глазами совиными трижды хлопнув, махнула ведунья рукой. Я за сестрой.

Впереди расстилается пред нами – край изумрудного изобилия флоры. И по камням дорог, что золотом вымощен-

ных, как ковбои в прериях, курс держим на гору – Красного Солнца. Жара поднимается над простором. Вызывает в умах миражи. Надежда вдруг погибает.

Стерлись подошвы. Сочится кровь. Следами печатей красных подписывается договор на достижение мечты. Только ли красота требует жертвы?

– В желании своем уверена ты? – вверяю сестрице семя прозрения.

Под гулом пчелиного пения, над упоением меда вереска – играю мелодию возвращения на шаманской струне. Чую, внимает тем нотам сам скотий Бог Велес – Одина брат. Тысяча сорок два метра усиливает сигнал. Соколиным Окомзираю на Эльбрус – убежище Прометея. Титану прозёрливому направляю последнюю песнь – послание. В кармане жужжит пчела? Нет, уведомление на экране: «Сообщение доставлено».

Кряхтит, но ползет сестрица упорно, словно вот-вот да причислится к лику святых. Боли у козла да у волка, ослицы, – но её отпусти. Смеюсь. Наблюдаю за мучеником, но сам уж измучен – служить костылем.

Жара – 34 и 2 (тридцать четыре и два), обливаюсь потом и жидкостью красной. Интересно, что лучше? Быть «Человеком и пароходом», или проводником прямо в Рай? Солнце в зените – жар в груди распяляет. И вдруг на клык мне роняет сестрица каплю красного тельца.

Вспоминая слова колдуна, содрогаюсь. Роняю на землю сестру, изрыгаю в дерн яства утренние. В пасть сую зверобой... С мольбою смотрю на лапы. Раз – две – три минуты... На руки кожаные с облегчением выдыхаю: «Фу, пронесло!».

Солнце склоняется за горизонт. Гору, прозванную в честь него, – почтили двое. Спускаемся, нет, вернее, ползем и видим рой... змеиный. На пороге утеса зеленого оставляю Надежду. И к ним трускою – расчистить путь. Как Рыжий Всевидящий, в позе тигра затаившегося – подкрадываюсь, прыгаю. Ба! То не рой, а корни окаменелые. Поднимаю взгляд – женский лик. Будто древний. Предстаю перед ним, не смея дышать. Вливаюсь в незримую бездну... Еще чуть-чуть – Имя услышу. Вот первая буква «К». Пульс нитевидный... стягивается в невозможное, мной невиданное доселе, абсолютное чувство...

– Джей, ты жив? – сестрица кричит.

Шерсть вздыбается на спине. Вместе с ней испаряется истина. На утес – взрыкиваю. Возвращаюсь к Надежде.

У подножия горы Солнца Красного задается вопросом она:

– Правда ль, Джей, говорят, что Лилит была первой женщиной? С Адамом да наравне? Но, потребовав равноправия у Создателя, была анафеме предана. Демонизирована.

Я поперхнулся печеньем с изюмом, что символ любви⁴⁰

⁴⁰ Изюм – символ любви

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.